

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

УДК 81'25(045)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО БАРЬЕРА

И.А. Бубнова, А.А. Сардарова

В статье рассматриваются вопросы прагматической адаптации при переводе художественного текста. Автор рассматривает способы адаптации текста при переводе явлений лингвокультурного характера, анализирует случаи переводческих ошибок, избежать которые возможно, если переводчик обладает обширными фоновыми знаниями, которые составляют основу переводческой компетенции.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, перевод, реалия, лингвокультурный барьер.

Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке перевода выступает в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала. Коммуникативная равноценность перевода и оригинала, с точки зрения восприятия текста, понимается нами как равное по своей силе воздействие на реципиентов, независимо от того, в первичной или вторичной коммуникации предъявляется текст. Так как перевод – это область соприкосновения не только языков, но и культур, коммуникативный акт перевода выявляет различия в культурной ситуации, т. е. тот лингвокультурный барьер, который переводчик должен преодолеть. Поскольку художественный текст создается для членов общего с его автором лингвокультурного сообщества, то задачей переводчика является создание текста, нацеленного на замещение оригинального текста в культуре, для которой создается перевод. Следовательно, переводной текст характеризуется вторичностью и установкой на замещение исходного в другой языковой и культурной среде [7, с. 48]. Вполне понятно, что очевидное для реципиента в первичном коммуникативном акте может быть совершенно непонятным для реципиента во вторичном коммуникативном акте. Следовательно, стремясь достигнуть коммуникативной равноценности и адекватности воздействия, переводчик должен прибегнуть к прагматической адаптации, под которой понимается «внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателем оригинального и переводного текста» [8, с. 242]. Установка на реципиента является элементом прагматики перевода. Она может проявляться во введении в текст перевода дополнительной информации поясняющего характера или опущении излишней информации, интерпретации авторского текста с целью донесения до реципиента

перевода эмоционального воздействия, адекватного исходному тексту, «полной перестройке сообщения в целях эксплицирования подразумеваемой информации» [2, с. 193]. Переводчик, являясь бикультурной языковой личностью, как бы фильтрует те элементы, которые сигнализируют о принадлежности текста к иной культуре, и может либо оставить их в тексте перевода без изменений, либо адаптировать их к принимающей культуре [6]. Таким образом, прагматическая адаптация детерминирует переводческие действия на этапе создания текста перевода. Как отмечает В.Н. Комиссаров, независимо от того, пытается ли переводчик сохранить прагматический потенциал оригинала или добиться, чтобы текст обладал иным прагматическим потенциалом, в любом случае он прибегает к прагматической адаптации в переводе [4], так как ориентируется на культурную среду, социально-психологические характеристики и внеязыковые знания реципиента перевода.

При передаче тех явлений, которые отсутствуют в принимающей культуре, может возникнуть потеря некоторой информации. Проблема ее компенсации тесно связана с категорией прагматической презумпции, которая отражает лингвокультурную асимметрию носителей языка текста оригинала и перевода. «Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся – в частности, известным слушателю» [1, с. 39]. Соответственно, если реципиент ничего не знает о P, то прагматическая презумпция несостоятельна и коммуникация затруднена. Следовательно, для успешного преодоления лингвокультурной асимметрии в межкультурной коммуникации, прагматическая презумпция должна базироваться на внеязыковых знаниях, которыми обладает реципиент коммуникативного акта. Это положение требует от переводчика вла-

дения обширными экстралингвистическими знаниями. В идеале его «экстралингвистический багаж» должен быть идентичен тем знаниям, которыми располагают носители исходного языка. Переводчик как реципиент оригинального текста должен правильно понять обозначения тех явлений и предметов, которые описываются в оригинальном тексте, т. е. обладать достаточными знаниями об изображаемой действительности. Но переводчик также является и отправителем текста перевода, что требует от него владения экстралингвистическими знаниями принимающей культуры. Таким образом, в обоих случаях речь идет о наличии фоновых знаний, без которых невозможен качественный переводческий процесс.

Целью данной статьи является рассмотрение способов прагматической адаптации при переводе художественного текста. Материалом исследования послужили переводы романа М. Шолохова «Тихий Дон» на английский, итальянский и сербский языки [9–12]. Текст романа насыщен реалиями, описаниями явлений русской культуры, что делает его перевод интересным объектом исследования.

Сопоставительный анализ переводов показал, что, сталкиваясь с лингвокультурной асимметрией, переводчик преодолевает ее за счет адаптации к принимающей культуре, оставляет обозначаемое явление этнокультурного характера без изменений в тексте перевода или вовсе опускает его как несущественное или не поддающееся переводу. Рассмотрим каждый из выделенных случаев в отдельности.

В романе М. Шолохова широко представлены реалии, обозначающие православные праздники – *Троица, Спас, Крещение*. Помимо религиозного содержания, данные лексемы передавали отрезки времени, с которыми казаки соотносили события своей жизни, и именно в этом значении они употребляются в романе.

1. *За два дня до троицы* [9, с. 154, т. 1]

Английский. *Some two days before Trinity...* [10, p. 159, vol. 1].

Итальянский. *Due giorni prima delle feste della Trinità* [11, p. 160, v. 1].

Сербский. *Na dva dana pred Trojice...* [12, s. 155, t. 1].

2. *На осенний мясоед назначили свадьбу* [9, с. 167, т. 1].

Английский. *The wedding was fixed for the autumn* ... [10, p. 170, vol. 1].

Итальянский. *Il matrimonio fu fissato per l'autunno* [11, p. 172, v. 1].

Сербский. *Za jesenje mesojede odrediše svadbu* ... [12, s. 169, t. 1].

3. *После покровы* [9, с. 124, т. 1]

Английский. *Three days before Intercession* [10, p. 132, vol. 1].

Итальянский. *Dopo la festa* [11, p. 130, v. 1].

Сербский. *Posle Pokrova* [12, s. 125, t. 1].

4. *Скоро, на спасы, думается* [9, с. 118, т. 1].

Английский. *Soon. The beginning of August* [10, p. 122, vol. 1].

Итальянский. *Prima delle feste, credo* [11, p. 120, v. 1].

Сербский. *Na Preobraženje, mislim* [12, s. 121, t. 1].

Как видно из примеров, английский и итальянский переводчики передают данные реалии полным аналогом в том случае, когда они обозначают общехристианские праздники. При передаче православных праздников, они используют описательный перевод, соотнося передаваемый праздник с периодом времени, тем самым делая передаваемое явление понятным для иноязычного реципиента, или опускают его название и заменяют его лексемой с более широкой семантикой, как, например, в итальянском переводе – *festa* (праздник). В сербском переводе названия праздников передаются полным аналогом, который существует в сербской православной культуре.

Реалии, обозначающие обычаи, представляют особый интерес для иноязычного реципиента, так как они в полной мере выражают национальный характер народа, его ментальность. Их передача на иностранный язык требует от переводчика владения значительными фоновыми знаниями и умением адаптировать оригинальный текст так, чтобы обеспечить адекватность перевода.

В русской культуре существует традиция кричать *Горько!* на свадьбе. В толковом словаре В.И. Даля дается такое пояснение: «*Горько*, приговаривают за свадебным столом, о вине, подсластить надо, и молодые должны поцеловаться» [3, с. 383, т. 1]. Рассмотрим способы перевода этого обычая, предложенные тремя переводчиками:

Никифор Коловейдин, поднимая раскляченную руку, ревел:

– *Горька* –

– *Го-о-р-ь-ко-а!*.. – *подхватывали за столом.*

– *Ох, горька!*.. – *отзывалась битком набитая кухня* [9, с. 89, т. 1].

Английский. *Nikifor Kolovedin, who was sitting at the far end of the table, raised his glass and roared the traditional words:*

“It’s bitter!”

“Bitter! Bitter!” the guests seated around the table clamoured after him.

“Oh, bitter!” came the response from the crowded kitchen [10, p. 87, vol. 1].

Итальянский. *Un parente lontano dei Korsciunov seduto in fondo al tavolo, il vecchio atamanov Nikifor Kolovejdin, urlava alzando la mano:*

*“Amaro!”*¹ (1) *Esclamazione tradizionale nelle feste nuziali: significa che il vino è amaro se gli sposi non l’addolciscono baciandosi).*

“Amaroooo!” conclamavano gli altri, seduti intorno al tavolo.

“Oh, amaroooo!” – faceva eco la cucina gremita [11, p. 88, v. 1].

Сербский. *Nikifor Kolovejđin, koji je sedeo na samom kraju stola, podižući raširenu ruku derao se:*

– *Ljuta!*

– *Lju-u-ta-a!.. – prihvatili su za stolom.*

– *Oh, ljuta!.. – odazva se dupke puna kuhinja* [12, s. 90, t. 1].

Перевод данной реалии, безусловно, представляет большую трудность, так как ни в английской, ни в итальянской, ни даже в сербской культурах нет подобной традиции. Мы видим, что во всех трех случаях переводчики воспользовались калькированием для передачи этой реалии: *bitter* (англ.)-горький, *amaro* (итал.) – горький, *ljut* (серб.) – горький. Итальянский переводчик сопровождает кальку затекстовым пояснением. Безусловно, итальянский перевод в данном контексте наиболее удачен, так как итальянскому реципиенту сразу становится понятна причина, по которой гости вдруг начали кричать *Горько!* на свадьбе. Английский переводчик ввел в текст перевода пояснение, которое в некоторой мере объясняет использование данной русской реалии для англоязычного реципиента:

Nikifor Kolovedin roared the traditional words.

Сербский перевод является наименее адаптированным к восприятию иноязычным реципиентом. На наш взгляд, наиболее удачным вариантом стало бы применение приема транслитерации (*горько – gor'ko*) с последующим пояснением в сноске, так как при этом у английских, итальянских и сербских реципиентов возникло бы правильное представление об этом русском свадебном обычае.

Еще одной традицией, которая долгое время существовала в русской культуре, была традиция ставить самовар во время приема пищи, а также как проявление гостеприимства. В романе М. Шолохова и в соответствующих переводах она отражена следующим образом:

Пантелей Прокофьевич замолчал, оглядывая Григория испытующе и долго.

– *Раздевайся, батя, назяб ить, небось. Самовар поставим* [9, с. 176, т. 1].

Английский. *Pantelei was silent, staring long and questioningly at Grigory.*

“Take your things off, Father, you must be frozen. We’ll get the samovar going.” [10, p. 183, vol. 1].

Итальянский. *Pantelei Prokofjevic tacque osservando a lungo Grigorij con uno sguardo pesante.*

“Ti vuoi togliere la pelliccia? Ma avrai freddo. Mettiamo il samovar” [11, p. 184, v. 1].

Сербский. *Pantelej Prokofjević učuta posmatrajući Grigorija ispitivački i dugo.*

– *Skini kožu, bača, mora da si ozebao. Spremićemo samovar* [12, s. 186, t. 1].

Все три переводчика передали русскую реалию *самовар* с помощью транслитерации, не поясняя ее значение, несмотря на то, что это первый случай ее употребления в романе, видимо, полагаясь на известность данной реалии и ее представ-

ленность в национальных словарях. Однако, так как культура чаепития из самовара не существует ни в одной из трех рассматриваемых культур, у иностранных реципиентов может быть недостаточно фоновых знаний для полного понимания того, как традиционно принимали гостей в русской культуре, поэтому, на наш взгляд, такой переводческий прием не может адекватно передать данную лингвокультурную специфику. Посиделки у самовара в русской культуре – это не то чаепитие, которое принято, к примеру, в культуре англосаксонской. Если для англичан *5 o'clock tea* является, прежде всего, символом стабильности и неизблемости устоев, сохраняющихся на протяжении столетий, то в русской культуре акцент смещается на понятия семьи, друзей и близких, с которыми мы готовы разделить нашу трапезу. Это значение, к сожалению, полностью исчезает в переводах. Возможно, что именно утерей в процессе переводов национального смысла чаепития вокруг самовара в кругу близких людей и объясняется стереотипная ассоциация *Россия – самовар*, за которой в сознании среднего жителя западной Европы в лучшем случае не стоит ничего, а в худшем – можно выявить негативную оценку России как страны отсталой, дикой и косной.

Примером передачи русских реалий, обозначающих орудия труда, является *коромысло*. Эта реалия является историзмом, и, видимо, в силу этого ее перевод вызвал затруднение у английского и итальянского переводчиков, и они прибегли к ее опущению.

Аксинья с подмоостей ловко зачерпнула на коромысле ведро воды и, зажимая промеж колен надутую ветром юбку, глянула на Григория. [9, с. 67, т. 1].

Английский. *Aksinya dexterously drew a full pail of water from the river, and pressed her skirt between her knees away from the wind* [10, p. 70, vol. 1].

Итальянский. *Acsinia, dallo sbarcatoio, attinse agilmente l’acqua in un secchio e stringendosi fra le ginocchia la gonna gonfiata dal vento, guardò Grigorij* [11, p. 69, v. 1].

Сербский. *Aksinja s navoza zahvati vedricu vode na obramici, pa, stežući među kolenima suknu koju je vetar bio naduvao pogleda u Grigorija* [12, s. 69, t. 1].

В данном случае только сербский переводчик передал реалию *коромысло* посредством полного аналога, который существует в сербском языке. Как известно, русский и сербский народы имеют общие славянские корни, и такие предметы как коромысло, сани, телега, т. д., использовались издавна в обеих культурах.

Как упоминалось выше, английский и итальянский переводчики опустили данную реалию, что, безусловно, привело к потере национальной окраски и искажению смысла, так как становится неверным представление о том, как казаки в то время

набирали и носили воду. В английском переводе «Аксинья ловко набрала полное ведро воды из реки...» (пер. авторов), в итальянском «Аксинья с пристани ловко набрала воду в ведро...» (пер. авторов). Таким образом, опущение в данном случае является неверным переводческим решением, не соответствующим критериям прагматической адаптации. Мы согласны с известным чешским переводчиком И. Левым, который подчеркивал, что опущение историзмов при переводе является неоправданным, так как «без исторических реалий перевод превращается в обесцвеченное отражение описываемой автором действительности, оторванной от своей среды во временном отношении» [5, с. 128].

В целом в результате проведенного анализа следует отметить, что текст такого выдающегося художественного произведения, каким является роман М. Шолохова «Тихий Дон», содержит огромный информационный пласт о явлениях русской культуры, перевод которых требует обширных фоновых знаний и глубокого проникновения в описываемые в романе события. Качественно выполненный перевод может служить источником информации о русской культуре, передавать ее национальную специфику. Переводчик, осуществляющий художественный перевод, должен в полной мере осознавать свою посредническую миссию, реализация которой позволяет преодолевать лингвокультурный барьер, сближать и обогащать культуры.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // *Новое в зарубежной лингвистике*

/ общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–41.

2. Велединская, С.Б. Курс общей теории перевода: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 230 с.

3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954.

4. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

5. Левый, И. Искусство перевода: пер. с чеш. / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 398 с.

6. Хайрулин, В.И. Культура в парадигме переводоведения / В.И. Хайрулин // *Тетради переводчика*. – М.: МГЛУ, 1999. – Вып. 24. – С. 4–45.

7. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

8. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

9. Шолохов, М.А. Тихий Дон. Роман в 4 кн. / М.А. Шолохов; под ред. А.В. Калинина. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1988. – Т. 1. – 352 с.

10. Sholokhov, M. *And Quiet Flows the Don* / M. Sholokhov. – New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1996. – 637 p.

11. Sciolochov, M. *Il placido Don* / M. Sciolochov. – Milano: Garzanti, 1966. – 818p.

12. Šolohov, M. *Tihi Don* / M. Šolohov. – Beograd: Kultura, 1967. – 720 s.

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва), aribubnova@gmail.com.

Сардарова Алина Арменовна, аспирант кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва), alinasardarova@gmail.com.

Поступила в редакцию 31 мая 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Linguistics"
2014, vol. 11, no. 4, pp. 53–57**

PRAGMATIC ADAPTATION IN TRANSLATION AS A WAY TO OVERCOME LINGUISTIC AND CULTURAL BARRIER

I.A. Bubnova, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, aribubnova@gmail.com,

A.A. Sardarova, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, alinasardarova@gmail.com

The article deals with the issue of pragmatic adaptation while translating a literary text. The author studies the ways of text adaptation to the recipient's comprehension

in cases when specific linguistic and cultural phenomena are under translation. The analysis of translational failures is provided and the conclusion is made that the way to avoid them is to possess broad extralinguistic knowledge which is the basis of the translator's competence.

Keywords: pragmatic adaptation, realia, translation, linguistic and cultural barrier.

References

1. Arutiunova N.D., Paducheva E.V. Istoky, problemy i kategorii pragmatiki. [Sources, Problems and Categories of Pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moscow, Progress, 1985, Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika, pp. 21–41.
2. Veledinskaya S.B. *Kurs obshchey teorii perevoda* [General Translation Course: Text Book]. Tomsk, Tomsk politech. univ. Publ., 2010, 230 p.
3. V. Dal. *Tolkovy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Gos. izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarei. 1954.
4. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*. [The Modern Theory of Translation]. Moscow, ETS Publ., 2002, 424 p.
5. Levyi I. *Isskustvo perevoda*. [Art of Translation]. Moscow, Progress Publ., 1974, 398 p.
6. Khairulyan V.I. Kultura v paradigme perevodovedeniya. [Culture Through Translation]. *Tetrady perevodchika*. Vyp 24. Moscow, MGLU Publ., 1999. p. 4–45.
7. Shveytser A.D. *Teoria perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka, 1988, 215 p.
8. Shveytser A.D. *Perevod i lingvistika. O gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode*. [Translation and Linguistics. On Newspaper-Informational and Military-publicistic Translation]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973, 280 p.
9. Sholokhov M.A. Tikhy Don. Roman v 4 knigakh. T. 1. Rostov-na-Donu, Kn. Iz-vo. 1988, 352 p.
10. Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. New York: Carroll & Graf Publishers, Inc., 1996, 637 p.
11. Sciolochoy M. Il placido Don. Milano, Garzanti Publ., 1966, 818 p.
12. Šolohov M. Tihi Don. Beograd, Kultura Publ., 1967, 720 p.

Irina A. Bubnova, PhD, Professor, Head of the Chair of Foreign Philology, Moscow City Pedagogical University (Moscow), aribubnova@gmail.com.

Alina A. Sardarova, post-graduate student of the Chair of Foreign Philology, Moscow City Pedagogical University (Moscow), alinasardarova@gmail.com.

Received 31 May 2014